

*Герою России генерал-майору
Тулину Сергею Загитовичу!*

ЧАСТЬ I

СЛУЖБА – АФГАНИСТАН

ГЛАВА 1

Афганистан, сентябрь 1984 года, советская военная база на востоке Кандагарского плоскогорья, недалеко от селения Гарди. Пятьдесят пятый Отдельный батальон специального назначения вплотную примкнул к подразделениям десантно-штурмовой бригады, медико-санитарному батальону и реактивному дивизиону. Чуть в стороне смешанная или, как еще называют, сводная вертолетная эскадрилья, имеющая в своем составе как десантные вертолеты «Ми-8», так и машины огневой поддержки «Ми-24». Гарнизон расположился компактно, окруженный приличным заслоном проволочных и минных заграждений, а также постоянными постами десантников. Вечер, пока еще светлый, но жаркий и пыльный. Командир первой роты спецназа, проверив исполнение личным составом распорядка дня, а точнее, просто навесивший палатки подчиненных, вернулся к штабному модулю, где ему был выделен отсек из двух маленьких комнаток с отдельным выходом. Капитану повезло. Он мог спокойно отдыхать, принимать по вечерам гостей. В отсеке был кондиционер. А это много значило. По крайней мере, не надо на ночь увлажнять простыни, как в палатках. Под брезентом без этой процедуры в этих местах

не уснуть, ну разве что перед сном прилично принять на грудь. И мухи не доставали. Тоже плюс большой.

Запрелов вошел в отсек и тут же упал на кровать, расстегнув китель, подставляя запотевшую волосатую грудь под прохладные струи воздуха, нагнетаемые кондиционером «БК-1500». Хорошо! А душ все равно принять надо. Иначе сопреешь к чертовой матери. Да и робу постирнуть не мешает, потому как завтра она станет белее снега. От пота, пропитавшего ткань насквозь. Вставать, однако, не хотелось, и капитан тянул время. Почувствовав, что может уснуть, Запрелов поднялся и прошел в первую комнату, где стояли стол, две лавки и небольшой, старый, но еще исправно работающий холодильник. И только сейчас увидел рядом с дверью конверт. Почтальон, видимо, не застав офицера, засунул письмо в щель. Капитан поднял его, сразу же узнав почерк жены Вали. Кажется, он должен был тут же вскрыть конверт и жадно прочитать послание от родного человека из далекого Союза, но Запрелов бросил конверт на стол, переоделся в спортивные брюки, взял полотенце, мобуту (военную форму), щетку и мыло, вышел на улицу, которая после помещения, охлажденного кондиционером, встретила его пылающим зноем. Душевая находилась за модулем, и капитан направился туда. Постирал форму, помывшись и постояв несколько минут под холодной водой, вернулся к своему временному пристанищу. Бросил мобуту сушиться на маскировочную сеть, вошел в отсек. И сразу почувствовал запах духов. Такими пользовалась единственная женщина в гарнизоне, его фронтовая подруга последних месяцев, медицинская сестра санбата Лиза Хордакова. Лиза, Лиза, Лизавета. Только она из всех местных женщин не скупилась на дорогую косметику, поэтому и духи у нее были особенные, тонкие, нежные, манящие и дорогие. Они познакомились на третий день после ее прибытия на базу в апреле прошлого года. Рота Запрелова то-

гда вернулась с боевого выхода, имея трех раненых. Их лично и передал в медсанбат ротный. Передал дежурному врачу, рядом с которым впервые увидел женщину лет тридцати. Новенькую. Сразу и познакомились. А через неделю они были уже близки. Тогда им приходилось скрываться от посторонних глаз где только это было возможно: и в каптерках, и в канцелярии его подразделения, и даже в операционных хирургических отделений. В то время отдельного жилья у капитана не было, не то что сейчас. И Лиза, уже не скрываясь, приходит к нему, чтобы уйти утром. Замполит Гвоздев иногда что-то бурчал про мораль. Но какая, к черту, мораль на войне? Где сегодня ты жив и здоров, а завтра можешь стать инвалидом без рук и ног, а то и холодным, никому не нужным трупом. Тут не до морали! Тут каждый день на счету. И цена его велика. Как цена всей жизни. Запрелов был женат. И жена его жила в Переславле, родном городе капитана. Жила одна в квартире, оставшейся от родителей. У капитана тоже имелось жилье — часть дома на окраине города. Там жили его родители и дед. Но однажды они поехали на рыбалку и перевернулись на машине возле реки. Погибли все и сразу. Запрелов приезжал на похороны. Тогда он только начал службу и проходил ее в Приволжском военном округе, в центре подготовки офицеров для подразделений спецназа. Родители и дед легли в могилы старого кладбища, а часть дома осталась, и он был ее единственным и законным владельцем.

Лиза услышала шаги Запрелова и вышла в коридорчик.

- Добрый вечер, Илюша!
- Привет!
- Ты отвечаешь так холодно...
- Замерз!
- Это при сорока градусах на улице?
- Это оттого, что душа остыла, Лиза!

Женщина удивилась ответу, спросила:

— Как тебя понимать, Илья?

— Да никак! Никак не понимать!

Капитан прошел в первую комнату, которую с натяжкой можно было назвать столовой, открыл холодильник, выставил на стол литровую бутылку импортной водки, приобретенной у одного знакомого духанщика в Гарди, банку тушенки и хлеб в целлофановом пакете. Открыл спиртное, вскрыл мясные консервы, порезал черный, как уголь, хлеб. Стаканы, ложки и вилки находились на краю стола. Наполнив граненый стакан до краев, капитан в три глотка проглотил водку. Закусывать не стал, присев на лавку и закулив сигарету. Лиза, не понимая, что с ним, но чувствуя в его поведении нечто угрожающее их отношениям, села напротив:

— Что с тобой, Илья? Почему даме выпить не предлагаешь?

Запрелов пододвинул к Лизе бутылку:

— Пей, если хочешь!

— В чем дело, Илья?

Выпустив струю дыма в потолок, капитан проговорил:

— В чем дело, спрашиваешь? А сама не догадываешься?

Лиза изобразила крайнее удивление. Довольно умело изобразила, ответив:

— Нет, не догадываюсь!

— Что ж, объясню, раз ты такая недогадливая стала. Прощальный ужин у нас с тобой сегодня, вот в чем дело, милая!

— Но почему?

Капитан затушил сигарету, поднялся.

— Ты что, решила идиота из меня, девонька, сделать? В чем дело? Что с тобой? — передразнил капитан

любовницу. — Память отшибло? А ведь прошла всего неделя!

Женщина поняла, о чем вел речь капитан. Но изобразила крайнее изумление:

— После чего, Илья, прошла неделя? После твоего последнего боевого выхода? Но при чем здесь война?

— Ты права, война в нашем случае ни при чем! При чем совершенно другое! А именно то, что те трое суток, что я гонялся по ущельям за духами, ты прекрасно провела с начфином десантуры. Или этого не было? Слухи и чужая зависть оклеветали тебя?

Лиза попыталась ответить, но Запрелов прервал ее:

— Молчи! Я не желаю стряхивать с ушей лапшу, которую ты намереваешься на них навешать. Совет на будущее: меньше подругам рассказывай о своих любовных похождениях. И если решишь еще раз блядануть на стороне, на что, впрочем, ты имеешь полное право, то выбирай партнера понадежней! Который, как и подруги, не станет трепать языком! Вот так-то, подружка! Чего не пьешь? Наливай! Сегодня гулять будем!.. В последний раз вместе!

Лиза не шелохнулась. Она просто сидела и смотрела на Запрелова. Тот сам налил ей полстакана:

— Прими, легче врать будет, только без толку это все. Ты меня знаешь!

Женщина тихо проговорила:

— Да, знаю! Вернее, теперь могу сказать, что лишь знала. Ты оказался другим, чем тогда, когда я тебя узнала. Только скажи, если я, как ты утверждаешь, изменила тебе с начфином, этой бабой в штанах, которого за мужчину не считаю, несмотря на всю его напыщенную галантность, неделю назад, то почему и вчера, и позавчера ты был нежен и ласков, как обычно, ни о какой измене и слова молвлено не было? Почему именно сегодня ты предъявил мне оскорбительные обвинения в том, чего

просто не могло быть? Ведь наверняка «доброжелатели» тебе все рассказали сразу после возвращения? Почему?

Капитан вновь выпил, на этот раз сто граммов.

— Да, актриса из тебя отменная. Я бы мог вообще с тобой ни о чем не разговаривать, но отвечу на вопрос. Все дело в том, что те, кому наставляют рога их милые дамы, почему-то об измене узнают самыми последними. Я тоже думал, почему так? И представь себе, объяснение таки нашел. Видимо, дело в женском коварстве и нежелании рогоносца признавать очевидное, ища всяческий повод опровергнуть его. Вот и я только в обед узнал о том, какие «волшебные» ночи ты провела с тем, кого за мужика не считаешь! Это надо же, «волшебные» ночи! Чем же он так взял тебя? Может, наркотой траванул? А?

— Прекрати, Илья!

Она поднялась, подошла к двери. Недолго постояла, облокотившись о металлический каркас, затем повернулась. Губы ее дрожали, в глазах стояли слезы. Играла она действительно отменно, ведь то, о чем говорил капитан, было правдой, с офицером штурмовой бригады она действительно якшалась. Но как ей признаться в этом? Нет, признаться нельзя. И если уж уходить, то так, чтобы в душе офицера остались зерна сомнения. Глядишь, со временем они и дадут всходы. А там все вернется на круги своя.

— Я все поняла, Илья! Ты решил избавиться от меня! Я надоела тебе, да и немудрено, когда Галька Журанова вертится рядом. Она и помоложе, и фигура посексуальней. На новенькое потянуло. Да и дома, — она кивнула на конверт, — жена ждет. Тебе же скоро заменяться? А я? Я отработанный материал, меня можно и на свалку. Здесь, в Афгане, вы, мужики, хозяева наши. Ну что ж, я уйду. И необязательно было обливать меня грязью. Запомни, с начфином у меня ничего не было. Ничего! Но

это уже неважно. Ты решил по-своему. Пусть будет так! Прощай, капитан!

Лиза ушла. Запрелов остался один. Не окликнул ее, не позвал. А женщина шла по темной аллее к женскому общежитию, кусая губы. И черт ее дернул связаться с этим долбаным начфином, который и удовлетворить-то как следует не смог. А все та же Галька Журанова. Пойдем к десанту да пойдем. Чего, мол, момент упускать? Да еще спирт, который они выпили. Вот и пошли. А в результате? Начфин оказался слабаком, да еще извращенцем, а Галка об их похождениях всему медсанбату растревожила. Да и начфин тоже. Бабу отыметь не смог, а слухи распустил, козел. А ведь на Запрелова она серьезные виды имела! С женой ему не жить, сам говорил, что гуляет та в Союзе. А она, Лиза, рядом! Еще бы немного — и захомутала капитана! Следом поехала бы, но добилась своего, развелся бы Илюша, а на ней женился! Но, может, еще не все потеряно? Побудет Илья с недельку без бабы, а Лиза позаботится о том, чтобы ни одна шлюха к нему в постель не нырнула, глядишь, и позовет! А дальше будет, как желает она! Только зыбки ее надежды. Капитан — мужик упертый! Хорошо еще, что пьет каждый вечер. Пьяный себе не хозяин. Ладно! Сейчас что-либо предугадать нельзя. Надо выждать какое-то время, а потом посмотреть. Возможно, и самой покаяться. Но не в промашке с начфином, тот завтра же закроет свою пасть, или она опозорит его на весь гарнизон. А в том, что дала повод для слухов, возможно, повела себя так, как не следовало бы! Короче, видно будет. Но все разговоры о своих похождениях надо срочно пресечь. Любыми средствами. И это Лиза сделать сумеет.

Допив бутылку и изрядно захмелев, Запрелов взял письмо и прошел с ним в комнату, которая была его спальней. Вскрыл конверт, быстро пробежав глазами по строчкам. Отбросил послание на пол. То, что он прочи-

тал, не было для капитана новостью. Нечто подобное он ждал с того самого момента, когда впервые почувствовал в письмах супруги фальшь и холод, хотя она уверяла, что любит и ждет его с войны. Но на самом деле, по крайней мере в последний год, и не любила, и не ждала. Предчувствие и ожидание неприятного известия наконец оправдались. Валя сообщила, что встретила другого человека, полюбила его и жить с Запреловым дальше не может. Попросила прощения, а заодно и согласия на развод. Чем-то суждено было свершиться, то и свершилось. Теперь он один. Обидно ли ему? Наверное, есть немного! Но уж лучше остаться одному, чем жить в обмане и фальши. А вообще пошло оно все к черту! Ему еще надо выйти живым из этой бессмысленной мясорубки, организованной старцами из Политбюро. Вернуться в Союз. А там будет видно, как жить!

Не раздеваясь — в отсеке все же было достаточно прохладно, — командир роты спецназа уснул тяжелым сном. И снилась ему всякая ерунда. То шакальи морды моджахедов, точащих свои кинжалы, чтобы отрезать капитану голову, то голая Лиза, танцующая на виду у всего гарнизона на крыше штабного модуля, то стая волков, окруживших его в каком-то заснеженном лесу на берегу реки, то жаркие объятия развратной жены в постели, где по другую от нее сторону ее ласкал какой-то жирный, прыщавый, омерзительный тип. В общем, снилось черт-те что. Ровно в 6.00 капитан поднялся с тяжелой головой и разбитым телом. Кое-как прошел к холодильнику. Достал недопитую вчера бутылку водки, из горла сделал несколько глотков. Спиртное привело его в чувство. Запрелов подумал о том, что уже месяца три он не может обойтись без опохмелки. И это плохо. Это означало, что он спивается! Но, с другой стороны, не мучиться же? Или не пить? Но если здесь не пить, то с ума сойдешь. Причем гарантированно, после пары кровавых боевых выходов.

Нет, на войне без водки не обойтись! Никак! И пьют все! Ладно, будем похмеляться, пока в Афгане. В Союзе будет иначе! Капитан прекрасно понимал, что это самообман, но отгонял от себя эту мысль.

Запрелов снял с маскировочной сети форму, облачился в нее, выпил еще сто граммов, закурил, сидя за столом, ожидая, когда водка разойдется по телу, успокоит душу, но в дверь неожиданно постучали. Кого там еще принесло? Уж не Лизу ли? С новой тактикой обработки бывшего любовника? Да нет, она стучаться не стала бы.

Капитан крикнул, убрал пустую бутылку под стол:

— Входи, кто пришел!

В ответ раздался молодой голос. Явно солдата первого года.

— Я посыльный штаба, товарищ капитан, рядовой Бойко! Вас командир батальона вызывает!

— Комбат?

— Так точно!

— И куда вызывает?

Командир мог утром проконтролировать подъем роты и, заметив недостатки, вызвать ротного непосредственно в подразделение. Но сегодня было иное, посыльный доложил четко:

— К себе в кабинет, товарищ капитан! Разрешите идти?

— Постой, солдат! Он еще кого из офицеров кроме меня вызвал?

— Только начальника штаба и замполита. Они уже в кабинете!

— Ясно! Свободен! Передай в штабе, через пять минут буду.

Запрелов чертыхнулся.

— Этого еще не хватало! Командир с начальником штаба — ладно, а вот замполит своим буратынским носом — и надо же такой шнобель отрастить! — запах водки от по-

рога учует. И начнет мозги полоскать о морально-нравственных качествах советского офицера.

Капитан вышел из двери одного торца модуля, чтобы войти в другую, с противоположной стороны. Поздоровался с дежурным по батальону, спросил:

— Коль, не знаешь, чего комбат спозаранку вызывает?

Дежурный отвел нос в сторону:

— Ну и духан от тебя, Илья! Только что принял, что ли?

— Подлечился! Заметно?

— Не то слово. Вот тебе кусочек муската, пожуй, говорят, помогает, но я не верю. Как-то попробовал перед политинформацией, зная, что Майдин, замполит наш долбанный, придет, эффекта ноль. Унюхал политрук сразу, на входе в палатку.

— Помню! Тогда еще партсобрание проходило по этому поводу. Так чего тогда этот мускат жевать?

Капитан пожал плечами:

— Ну, черт его знает. Тебе, может, поможет, но лучше мочи своей выпей!

— Сейчас! Посоветовал! Да я лучше на губу сяду, чем буду ссанье пить!

Запрелов прошел по коридору, приоткрыл дверь кабинета командира батальона:

— Разрешите, товарищ подполковник?

— Разрешаю! Входи!

В кабинете, а по сути таком же небольшом, только не разделенном на комнатки отсеке модуля, за столом совещаний перед разложенной на нем картой сидели трое: сам комбат подполковник Полукаров Юрий Владимирович, начальник штаба майор Самуленко Геннадий Васильевич и, естественно, заместитель по политической части, куда же без политрука, капитан Майдин Николай Егорович.

Комбат предложил командиру роты место рядом с НШ, напротив замполита.

Последний тут же устался на Запрелова:

— А что это, Илья Павлович, от вас спиртным несет, как от винной бочки?

Замполит был всего лишь на год старше Запрелова, в равном с ротным звании, и послать бы его куда подальше вместе с чувствительным шнобелем, но нельзя, все же он заместитель командира. Илья ответил встречным вопросом:

— У нас в стране или в армии запретили водку пить? Сухой закон ввели?

— Нет, — проговорил замполит, скорчив недовольную физиономию, — но офицер обязан знать хотя бы норму, если не может обойтись без этой гадости. Знать, когда, с кем и сколько можно выпить!

— Вот я и принял свою норму поздно вечером, один, чтобы ваши стукачи не заметили. Можно сказать, под одеялом!

Комбат ударил кулаком по столу:

— А ну отставить перебранку. Мне еще ваших пустых разговоров не хватало. Что перегар? Пройдет! Как говорится, пьяный проспится, дурак никогда. Запрелов не пьян! И закроем на этом совершенно никому не нужную тему! Да, да, Майдин, закроем! Свои претензии выставлять будешь потом, а сейчас у нас совещание. Так что не бакланам зря, а работаем! Запрелов, смотри на карту, квадрат — 26-24.

Командир роты склонился над секретным оперативным документом. Полукаров продолжил:

— Этот квадрат охватывает часть Паршенского ущелья, имеющего выход на Панджшер. Ущелье узкое, но в районе водопада, отмеченного крестиком, оно расширяется до пятидесяти метров. При этом склоны перевалов покрыты кустарником вплоть до брошенного кишлака

Доха. По данным разведки, послезавтра, шестого числа, в это место должен выйти караван с оружием из Пакистана, ведомый известным нам полевым командиром душманов Исламуддином. Груз должен быть передан господину Азизулле. Караваны духов выючные, численность моджахедов, включая людей Исламуддина и Азизуллы, примерно двести человек. Исходя из полученной информации, нашему батальону силами одной штурмовой роты приказано устроить в квадрате 26-24 засаду, уничтожить духов и захватить сам караван, желательно вместе с полевыми командирами. Я решил к операции привлечь первую роту. Твою, Запрелов.

Ротный кивнул:

— Ясно! Мне можно задать вопросы или вы продолжите постановку задачи?

Комбат разрешил:

— Давай свои вопросы.

Капитан устроился поудобнее

— Первый! Данные разведки не подлежат сомнению?

— Что ты имеешь в виду?

— То, что произошло в мае этого года, когда, по данным той же разведки, мы вышли на захват банды в одном горном кишлаке, а в результате сами чуть не попали в капкан. Не помните этот случай? Хорошо, тогда наши передовые дозоры вовремя обнаружили неладное, а то раздели бы духи роту в клочья!

Голос подал замполит:

— То, что произошло в мае, товарищ капитан, случайность. Ошибка в оценке обстановки, но не сбой агентов стратегического внедрения. Они-то свою работу выполнили как следует!

— Хорошо! Пусть так! Поставлю вопрос иначе. Достоверна ли информация по караванам? И правильно ли оценена обстановка в вышестоящем штабе? Ведь в

прошлый раз халатность, граничащую с преступлением, допустили именно там.

Командир батальона заверил:

— На этот раз разведанные подтверждены и по другим каналам работы специалистов ГРУ.

— Это уже радует! Вопрос второй! Почему для обработки каравана и банд моджахедов выбран участок перед водопадом?

Начальник штаба удивился:

— Не ожидал от тебя, Илья Павлович, подобного вопроса. Ответ на него очевиден. Пространство ущелья перед водопадом выбрано потому, что там наиболее удобно устроить засаду и рассредоточить подразделения роты таким образом, чтобы у духов не оставалось ни малейшего шанса не только отбить атаку, но и просто отступить.

Капитан усмехнулся:

— А Исламуддин с Азизуллой дураки, не понимают, что возле водопада их легче всего прищучить? И, как бараны, не предпринимая страховочных мер, стадом выйдут навстречу друг другу по дну, которое прекрасно простреливается с обеих сторон перевалов.

Комбат проговорил:

— Во-первых, не вижу причин для усмешек, товарищ капитан, а во-вторых, два дня назад по тому маршруту, я имею в виду Паршенское ущелье, нашими спецслужбами был организован пропуск пробного, назовем его так, каравана. Да, Исламуддин пробивал этот путь, высылая вперед разведку, его люди наблюдали и за ущельем, и за перевалами. Но караван, конечно, не такой большой, пропустили. И сейчас разведка считает, что у афганских полевых командиров, планирующих переброску из Пакистана крупной партии оружия, ущелье Паршен особых опасений не вызовет!

Запрелов покачал головой:

— Дискутировать дальше бесполезно. Решение по

обработке банд Исламуддина и Азизуллы принято? Принято! Обстановка и задача мне ясны. Остается открытым последний вопрос: когда и какими средствами планируется переброска моей роты в район предстоящего применения?

Ответил начальник штаба:

— Переброску осуществим четырьмя десантными вертолетами «Ми-8 МТВ», приспособленными для использования в условиях жаркого климата и высокогорья, снаряженными пусковыми контейнерами 57-мм реактивных снарядов каждый. Место высадки — квадрат 27-24, это пять километров от южного Паршенского перевала. Начало операции ночью сегодня на завтра, со среды 5 на четверг 6 сентября.

Командир батальона добавил:

— До 17.00 тебе, Запрелов, подготовить вариант предстоящих действий в Паршене, в 17.30 вновь встречаемся здесь с проработкой возможных мер воздушного прикрытия или огневой поддержки, а также эвакуации роты после выполнения задания.

Самуленко попросил слово:

— Насчет средств связи! Каждому взводу иметь «Р-148», ротному — «Р-107»! Где-то между базой и ущельем мы выставим промежуточный пункт связи, чтобы обеспечить бесперебойный контакт между выполняющим задачу подразделением и штабом. У меня все!

Полукаров повернулся к замполиту:

— Что по поводу операции ты скажешь, Николай Егорович?

Капитан Майдин ответил:

— Свои вопросы я решу с заместителем Запрелова, старшим лейтенантом Гвоздевым.

Илья указал комбату на замполита:

— Вот, вот, Юрий Владимирович, у наших славных политорганов, оказывается, есть какие-то параллель-

ные цели в общей задаче! Почему Майдин будет что-то решать с моим заместителем?

Замполит ответил:

— Не горячитесь, Илья Павлович. Никаких параллельных целей по линии политорганов в боевой операции нет и быть не может. Но вы забываете, что старший лейтенант Гвоздев, являясь вашим непосредственным заместителем по штату, и мой прямой подчиненный! Но если вы желаете, то подготовительную работу к операции по линии политорганов мы проведем вместе.

Запрелов махнул рукой:

— Нет уж, варитесь в своей каше сами! С вами связываться — только нервы трепать!

Комбат повысил голос:

— Илья! Не хами начальству!

— Разве это хамство? Это высказывание собственного мнения по конкретному вопросу. Или уже и на это офицер не имеет права?

— Ладно! Иди, готовь решение, а заодно переведи подразделение в состояние боевой готовности «Военная опасность» с обязательным дневным отдыхом до ужина! Давай! В 17.30 жду!

Капитан вышел из модуля. После прохладного кабинета, в котором, как и в отсеке самого командира роты, работал кондиционер, улица, несмотря на утро, встретила его уже устоявшимся зноем. Правда, не таким, что наступит после обеда, и все же зноем. Посмотрел на часы. Совещание у командира батальона заняло около часа, сейчас было 7.05. До завтрака час. Запрелов решил пойти к палаткам подразделения, чтобы сообщить личному составу «приятную» новость о предстоящем выходе на войну. Затем прием пищи, после чего изучение обстановки по полученной в штабе батальона информации.

Дорога к палаткам подразделений рот спецназа лежала мимо модуля женского общежития медико-сани-

тарного батальона. Запрелов не ожидал в это время встретить Лизу: как правило, персонал медицинской части приступал к службе позже, в 8 часов. Но встретил возле модуля, на аллее. Женщина не остановилась и его не окликнула, лишь, склонив голову, бросила:

— Здравствуй, Илья!

— Привет, — ответил капитан, провожая ее взглядом.

И вновь Запрелов оценил артистические способности своей бывшей любовницы и выбранную ею тактику осадного ожидания. Лиза решила играть роль незаслуженно обиженной скромницы, жестоко и подло оклеветанной своей же подругой и мерзавцем начфином, надеясь, что капитан, при достаточной продолжительности подобного поведения, засомневается в своей правоте. Может, так оно и вышло бы. Но капитан отнесся к происшествию просто. Ему нужна была баба, и он ее имел. Он не любил Лизу, видел в ней всего лишь самку. И причина разлада не какой-то начфин — да пусть спит с ним сколько влезет! Просто Запрелову надоела Лиза. Стала неинтересна. И плевать на ее ужимки! Зацепит кого-нибудь из молодых офицеров, которые в конце месяца должны начать прибывать из училищ на укомплектование частей базы. А Запрелову до октября бы здесь протянуть. Отвоевать свое — и в Союз. Подальше от этих чертовых гор с их душманами. Ну а возникнет потребность, так партнершу на ночь он всегда найдет! Хотя бы ту же Галку Журанову, даму без комплексов и с огромным желанием постоянно иметь мужика. Какого — без разницы.

Рота встретила его докладом дежурного, хотя на месте находились и взводные, и старшина, и офицеры отделений обеспечения. Таков порядок. Раз рота не в строю, первый доклад — дежурного.

Сержант доложил, что за время его дежурства в под-

разделении происшествий не произошло. Запрелов объявил общее построение роты.

Бойцы тут же заняли свои места в шеренгах взводных и отделенных колонн.

Капитан обратился к ним:

— Товарищи офицеры, прапорщики, сержанты и рядовые! С этой минуты и до особого распоряжения рота переводится в режим «Военной опасности». Что это такое, вы знаете. И до 17.00 после получения оружия, снаряжения и боеприпасов я объявляю всем отбой! Всем спать, так как ближайшая, а возможно, и последующая ночь могут стать бессонными. Никаких вопросов не принимаю, личные проблемы решаете с командирами взводов. Офицерам, обеспечив исполнение указанных мной мероприятий, в 12.00 собраться в канцелярии роты. Всем, кроме старшины, которому организовать и контролировать отдых личного состава. Все! Командирам взводов и отделений развести личный состав! Заместитель по политчасти, ко мне!

Отдав распоряжение, капитан прошел к курилке, закрытой сверху от солнца маскировочной сетью.

Подошел замполит роты, старший лейтенант Гвоздев. Офицеры были на «вы». Подчеркнуто вежливы, что указывало на далекие от приятельских отношения между ними. Хотя и противниками или соперниками Запрелова с Гвоздевым назвать было нельзя. Просто каждый из них понимал свои обязанности по-своему, и разделяла их разность характеров и жизненных ценностей. Капитану плевать на карьеру, он служил, как мог и умел, замполит же рвался вверх. Для него Афган являлся лишь ступенью к очередному званию, должности, ну и награде, естественно. Ребята из политорганов для своих орденов не жалели. Как и должностей. И построено все у них было гладко, продуманно. Сейчас замполит роты — должность старшего лейтенанта, дальше сразу, если не сорвешься

по глупости своей, замполит батальона. Уже майорская должность и допуск в академию! И следом уже замполит полка — подполковник! Всего три ступени — и подполковник по должности, не хило! И это если не брать в расчет различные партийные посты. Короче, политруки себе дорогу к лампасам солидную пробили. Служи верно партии, правительству и, что еще главнее, своему начальнику — и попрешь наверх! А оступишься, так из войск в штаб заберут. Только прислуживай! Об остальном ближайший партийный наставник позаботится! Тьфу, бля, развели государство в государстве! А на особистов еще тычут. Да те делают свое дело, никому без необходимости не мешая, и никто их не замечает. Разве что попадешься на чем-нибудь. Но на чем можно попасться тому же ротному, чтобы вызвать интерес у представителей военной контрразведки? Только на продаже оружия или боеприпасов. Вот только где их взять на продажу, когда себе иногда патронов и гранат не хватает! Это генералы и чиновники высокие могут себе позволить, но их КГБ и ловит! Нет, особисты тоже не подарок, но замполиты хуже! Хотя это являлось сугубо личным и чисто субъективным мнением кавалера двух орденов Красной Звезды, медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги», капитана штурмовой группы батальона специального назначения 26-летнего Ильи Запрелова.

Подошел Гвоздев.

— Слушаю вас, Илья Павлович!

— Присаживайтесь, — предложил старшему лейтенанту командир роты.

Но замполит вежливо отказался:

— Спасибо! Я постою. Еще придется над бумагами корпеть.

Ротный не стал интересоваться, над какими еще бумагами перед боевым выходом собирается корпеть его заместитель, приказал:

— Вы вот что, старший лейтенант! Сейчас вместе со старшиной Шахадзе займитесь материальным обеспечением выхода. Чтобы ботинки у всех по размеру были, полевая форма в порядке, экипировка соответствующая. Особенно обратите внимание на боевые аптечки. Они должны быть у каждого и в полном комплекте. Далее...

Гвоздев прервал ротного:

— Извините, товарищ капитан, я непременно выполнил бы ваше требование, но к 10.00 меня вызывает заместитель командира батальона по политической части, капитан Майдин! Как понимаете, его приказ я нарушить не могу!

Запрелов поднялся, повысив голос:

— А мой, непосредственного начальника, приказ нарушить можешь?

Гвоздев ответил спокойно:

— И ваш не могу! Поэтому и прошу разрешить с Майдиным возникшую проблему. Я от работы не уклоняюсь, но быть слугой двух господ не могу! Одновременно!

Командир роты выругался:

— Хер знает что! Этот твой Майдин что, специально перед выходом атмосферу накаляет?

И вновь Гвоздев выглядел спокойным, даже безразличным. Подобная ситуация была для ротного замполита на руку. Пусть капитан ссорится с начальством, а Гвоздеву это ни к чему!

Запрелов приказал:

— Идем со мной!

Офицеры направились в одну из палаток первой роты, где была оборудована канцелярия командира подразделения. Оттуда по допотопному проволочному телефонному аппарату, стоявшему до сих пор на вооружении со времен Великой Отечественной войны, вызвал командира батальона.

Тот ответил сразу — находился на месте:

— Полукаров у аппарата!

— Это Запрелов. Ответьте мне, товарищ подполковник, на какой черт мне сдался заместитель, которого я не могу ничего заставить сделать?

— Так! Спокойней! Чего опять произошло?

— Да то, что я Гвоздеву задачу ставлю, а его в это время замполит батальона к себе требует! Потрепаться о политике в кабинете! Когда у меня дел, сами знаете, более чем достаточно!

Комбат посоветовал:

— Ты, Запрелов, слова-то подбирай? Что значит потрепаться? По-твоему, мой заместитель только на это и способен? Раз вызывает старлея, значит, тот понадобился ему! И чего орать? Явится Гвоздев в штаб, получит указания от Майдина и вернется. Тогда и поставишь ему свою задачу!

Капитан не выдержал:

— Да? Щас! Или старший лейтенант выполнит мои приказания, что напрямую записано в уставе, или убирайте от меня такого заместителя к едрене фене! Без него справлюсь. Но к солдатам больше не допущу. Пусть возле своего Майдина крутится!

Подполковник тоже повысил голос:

— Ты с кем так разговариваешь, капитан? Со взводными своими или с командиром части, а? Что еще за условия? Борзеть начал? Да я сейчас тебя, несмотря на все ордена и медали, на губу оформлю! А на выход другую роту определяю. Будет мне еще всякий сопляк условия диктовать!

Запрелов бросил трубку.

Гвоздев, находившийся во время разговора рядом и все прекрасно слышавший, все же спросил:

— И что решило командование, товарищ капитан?

— Да пошел ты!.. К своему замполиту.

Старший лейтенант козырнул и вышел из палатки.

Капитан, откинувшись на стуле, нервно закурил.

Такой реакции со стороны комбата Запрелов никак не ожидал. Он уважал подполковника как настоящего боевого офицера, как, впрочем, и Полукаров ценил Илью, зная, что тому без малейшего раздумья можно поручить любое дело. И оно будет выполнено, несмотря ни на что и вопреки всему! Почему же сейчас комбат сорвался на капитана? Или Илья допустил такую уж непозволительную грубость? Но разве он не прав? Нет, это, видимо, замполит батальона сумел обработать комбата. Отсюда и агрессивная реакция на пусть и нетактичное, конечно, но все же объяснимое поведение командира роты. А раз так, то надо на самом деле идти до конца. Пусть отстраняют от командования ротой, на губу сажают, увольняют! Плевать! Надоело! Надо только объявить, что он, капитан Запрелов, ввиду резко ухудшегося состояния здоровья просит освободить его от руководства операцией на боевом выходе. Чтобы прокуратура дело на трибунал не вытянула. Отказаться от выполнения боевой задачи на войне нельзя, свободно под суд загреметь можно, а вот по состоянию здоровья, да официально, — это пожалуйста. Нервный срыв. Правдоподобно? После почти двух лет практически непрерывных боестолкновений с духами — вполне! И за личный состав беспокоиться не следует. Без него роту на выход не пошлют. Заменят другим подразделением. А там свой командир, тот же капитан Аркаша Седой! Грамотный, опытный, решительный офицер. И вторая рота обстреляна не меньше первой. Так что...

Размышления Запрелова прервала противная трель фронтового аппарата.

Илья поднял трубку:

— Командир первой роты капитан Запрелов!

— Подполковник Полукаров!

Этого звонка ротный не ждал. Скорее вызова на ковер, но комбат позвонил.

— Обиделся?

На что капитан заметил:

— На обиженных сами знаете что берут!

— Обиделся! Ладно! За сопляка извини, но ты сам вынудил меня! Надо все же субординацию соблюдать. Пока служишь! Извинил?

— Извинил!

— Вот и хорошо! С замполитом я разобрался. Никто тебе в подготовке к выходу мешать не будет. Давай успокойся да хорошенько над картой поработай. Опыта в действиях в горно-пустынной местности, как это пишут в наших официальных документах, у тебя более чем достаточно. Реального опыта. Честно говоря, но это между нами, площадка между склонов перед водопадом в Паршене меня тоже настораживает. Слишком уж заманчивая площадка для засады. Но ее сбрасывать со счетов нельзя. Надо подумать, как и открытое дно ущелья в ходе акции использовать, и другие варианты обработать. Но не тебя мне учить. Изучи, Илья, все досконально, по карте, конечно! А Гвоздев сейчас же вернется к тебе и будет работать по ротному плану. И никто никуда больше его не привлечет! Ты меня понял?

— Понял, товарищ подполковник!

— Вот и хорошо! Работай!

— Есть!

Связь отключилась. Капитан повесил трубку. Подумал все же комбат. И извинился он не ради мелкой выгоды, а ради обеспечения нормальной подготовки, организации и проведения боевой операции. Нет, это результат того, что Полукаров как был, так остался порядочным, справедливым человеком, умеющим признавать свои ошибки и извиняться перед подчиненными, что, к сожалению, дано очень немногим среди высокопоставленных армейских чинов, особенно носящих генеральские лампасы!

Ну что ж, работать так работать!

Вновь определив и уточнив прежнюю задачу вернувшегося из штаба замполиту, капитан Запрелов склонился над оперативной картой района.

Подумать командиру роты было о чем. Слишком легко с первого взгляда выглядела операция против духов. И каких духов? Исламуддина с Азизуллой, полевыми командирами самого Ахмадшаха Масуда — Панджшерского Льва. А тот любит замысловатые игры. Часто проводил такие операции, объяснения которым дать не мог никто. И только по истечении какого-то времени или в результате внезапного удара по другому направлению становился ясен замысел Масуда. Только после того, как Лев выигрывал свою партию! Так что не так все просто с этим караваном в Паршене! Хотя... нельзя исключать и то, что моджахеды не ждут нападения, а Масуд вообще не контролирует эту сделку. Но все надо тщательно изучить, разложить обстановку по полочкам. Отработать все возможные варианты развития событий в ущелье. И отработать сейчас, пока есть время. В момент, когда будет обнаружен передовой разведывательный дозор противника, решать что-либо поздно. И лучше, намного лучше начать действовать не хаотично, а по ранее выработанному плану, удерживая инициативу в своих руках. Инициатива в бою — быть может, решающий фактор успеха.

ГЛАВА 2

Капитану никто не мешал, не считая жары и мух.

Расстегнув китель, Запрелов склонился к карте.

Так, что мы имеем в этих богом проклятых квадратах 26-24 и 26-25? То, о чем уже говорилось на совещании. Ущелье Паршен с его водопадом и кустарниковыми

склонами, тянущимися метров на сто пятьдесят от водопада, параллельно мелкому и широкому ручью, текущему среди камней, на запад, к брошенному кишлаку Доха. Сам водопад, ущелье за ним, а также выход к Панджшеру строго на востоке. С севера и юга перевалы. Перед южным — основательный лесной массив, поляна среди него, куда планируется высадка роты. Широкая поляна. За северным перевалом — горы с бесконечными хребтами и ущельями. От места высадки до южного перевала по прямой чуть более 5 км — капитан измерил расстояние курвиметром. Духи выйдут в ущелье завтра, 6 сентября. Когда именно? Утром, когда спецназ только займет позиции? Или к вечеру, когда рота основательно укрепитесь в районе применения? Этого никто не знает. Исламуддин должен вывести караван по тропе, окружающей водопад. Азизулла ожидается от кишлака Доха. Встреча на открытом участке ущелья! Как раз под покрытыми кустарником склонами, где свободно может укрыться не только рота Запрелова, но и более значительные силы. И для вертолетной атаки дно открыто. Почему именно там духи назначили встречу? И этот рейд утвердил Масуд? Если, конечно, считать, что он лично участвовал в разработке данной акции душманов.

Получается, духи в открытую подставляются. С какой целью? Или они даже в мыслях не допускают засады в Паршене? А от воздушной атаки надежно прикрыты американскими ПЗРК «Стингер»? Может, и так, ведь один раз они уже прошли тем маршрутом. И прошли свободно, что следовало из информации командира батальона. Ладно, удачная охота ли ждет подразделение Запрелова, или душманская подстава, а выводить капитану роту в район применения придется. Но стоит ли действовать по плану командования батальона или поискать другие варианты? Вопрос открытый! Пожалуй, лучше поискать. Не нравятся ему простые решения. Как правило, такие

вот легкие, приемлемые с первого взгляда задания в итоге и оборачивались большой кровью, превращая организованное боестолкновение в неуправляемую, жестокую драку с неоправданными потерями.

Капитан, закурив, глубоко задумался. Через час что-то похожее на решение у него сложилось. Но это не было вариантом действий, который можно было представлять комбату на утверждение в качестве окончательного. Не хватало рекогносцировки местности, а другими словами — работы отделения собственной разведки в указанных квадратах.

Ротный посмотрел на часы, 11.35. До совещания офицеров роты 25 минут. Капитан снял трубку, вызвал штаб через дежурного комбата:

— Товарищ подполковник, капитан Запрелов!

— Слушаю тебя!

— Считаю, в 13.00 надо высылать к Паршену разведгруппу.

— Я уже думал об этом и согласен с тобой. Только не усилить ли ее до взвода? Территорию ребятам придется отработать обширную.

Ротный возразил:

— Нет! Привлечение к разведывательным мероприятиям полноценного взвода считаю нецелесообразным. Нечего там лишним людям до поры до времени светиться, разведчики сами справятся с поставленной задачей. Они у меня оценивали и большие по размерам и сложности ландшафта районы.

— Хорошо. Значит, в 13.00?

— Можно чуть позже, но лучше, если до захода солнца разведка увидит дно ущелья в квадрате 26-24, заодно посмотрит пригодность лесной поляны соседнего квадрата для приемки сразу трех «вертушек».

— Добро, Илья. Ровно в час одна из машин майора